Академия наук Республики Татарстан
Марийский государственный университет

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (15)

2016

*Номер журнала посвящен
памяти известных российских археологов
О.В. Данилова, В.Н. Мартыанова и И.М. Петербургского*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Федулов М.И. (Чебоксары, Россия), Соловьев Б.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
Аблязовский курган (к вопросу о курганных могильниках
балановской культуры) 8
- Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В., Пельгунова Л.А. (Москва, Россия).*
Исследование химического состава цветного металла
Ананьинского могильника 26
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).*
Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника 41
- Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).*
Хронология арочных шумящих подвесок с конями 90
- Лецинская Н.А. (Ижевск, Россия).*
«Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций
населения Вятского края в раннем средневековье 102
- Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия),
Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).* Украшения Анаткасинского
могильника: о культурной принадлежности памятника 121
- Новиков А.В., Баранов В.С. (Кострома, Россия).* Городище Унорож:
предварительные итоги археологических работ 2014 г. 143
- Михеев А.В., Михеева А.И. (Йошкар-Ола, Россия).*
Носельское III селище по результатам исследований 2008 г. 169
- Волков А.В. (Чебоксары, Россия).* Погребальный обряд чувашей
и финно-угров (сопоставительный анализ) 182
- Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия), Павлова Н.А. (Москва, Россия).*
Об одном типе украшений марийского костюма XVI–XVIII вв. 191
- Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия), Макарова Е.М. (Казань, Россия),
Блинова Д.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
«Новокрещены» Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска:
историко-археологический и антропологический анализ 202
- Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. (Казань, Россия).*
О фортификации «Великого города» – Биляра 223

Заметки

<i>Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия), Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).</i> «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги	235
<i>Королева М.С. (Саранск, Россия).</i> Сумки из древнемордовских памятников VII–X вв.	249
<i>Гришаков В.В., Седышев О.В., Любимкина Е.С. (Саранск, Россия).</i> Находки раннесредневековых ритуальных ложечек в Окско-Свияжском междуречье	256

Хроника

<i>Зеленеев Ю.А., Иванов А.Г., Сидоров О.А. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Памяти О.В. Данилова (1954–2014).....	266
<i>Вихляев В.И. (Саранск, Россия), Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Памяти И.М. Петербургского (1937–2015).....	271
<i>Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия), Зеленцова О.В. (Москва, Россия).</i> Памяти В.Н. Мартъянова (1934–2015).....	275
<i>Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия).</i> Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2015 г.	276
Список сокращений	291
Правила для авторов	293

*Issue of the journal is dedicated
to the memory of famous Russian archaeologists
O.V. Danilov, V.N. Martyanov and I.M. Peterburgsky*

CONTENTS

Articles

- Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation), Soloviev B.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).* Ablazovo Barrow (on the burial mounds of the Balanovo culture)8
- Saprykina I.A., Kuz'minykh S.V., Pelgunova L.A. (Moscow, Russian Federation).* Analysis of Chemical Composition of Non-Ferrous Metal Items from the Ananyino Burial Ground26
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).* Chronology of the 1st–2nd Century Graves from the Tarasovo Burial Ground41
- Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).* The Chronology of the Arched Rustling Pendants with Horses90
- Leshchinskaya N.A. (Izhevsk, Russian Federation).* “Sacrificial Complexes” as an Element of Funerary Traditions of the Vyatka Population in the Early Middle Ages.....102
- Nikitina T.B., Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation).* Jewelry from the Anatkasi Burial Ground: Towards Cultural Attribution of the Site121
- Novikov A.V., Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation).* The Unorozh Hillfort: Preliminary Results of Archaeological Activities in 2014143
- Mikheev A.V., Mikheeva A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).* Nosely III Settlement by Results of Studies in 2008169
- Volkov A.V. (Cheboksary, Russian Federation).* The Funerary Ceremony of the Chuvash and Finno-Ugric Peoples (a comparative study)182
- Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Pavlova N.A. (Moscow, Russian Federation).* On One Type of Decoration of the Mari Costume in the 16th – 18th Centuries191
- Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation), Blinova D.S. (Yoshkar-ola, Russian Federation).* The “Neophytes” from the Vkhodoierusalimskii Necropolis in Tsarevokokshaik: historical, archaeological and anthropological analysis.....202
- Gubaidullin A.M., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).* On Fortification of “The Great City” of Bilyar.....223

Notes

<i>Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation). "Bolshie Klyuchishi" (Ulyanovsk Oblast) as a New Archaeological Complex: Preliminary Results</i>	235
<i>Korolyova M.S. (Saransk, Russian Federation). Purses from Ancient Mordovian Sites of the 7th – 10th Centuries</i>	249
<i>Grishakov V.V., Sedishev O.V., Lyubimkina E.S. (Saransk, Russian Federation). Findings of Ritual Spoons of the Early Middle Ages in the Oka-Sviyaga Interfluve</i>	256

Chronicle

<i>Zeleneev Yu.A., Ivanov A.G., Sidorov O.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam O.V. Danilov (1954–2014)</i>	266
<i>Vikhlyaev V.I. (Saransk, Russian Federation), Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam I.M. Peterburgsky (1937–2015)</i>	271
<i>Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Zelentsova O.V. (Moscow, Russian Federation). Ad Memoriam V.N. Martyanov (1934–2015)</i>	275
<i>Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation). Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2015</i>	276
List of abbreviations	291
Submissions.....	293

УДК 903.25

ХРОНОЛОГИЯ АРОЧНЫХ ШУМЯЩИХ ПОДВЕСОК С КОНЯМИ

© 2016 г. В.В. Ставицкий

В статье уточняется типология и хронология арочных шумящих подвесок с конями, которые относятся к характерным древностям азелинской культуры. Ранее они рассматривались в работах ряда исследователей (Л.А. Голубевой, Н.А. Лещинской, Д.Г. Бугрова), но даты их бытования были, в основном, существенно омоложены. Сложение и развитие арочных подвесок иллюстрируют материалы могильника Тюм-Тюм, опубликованные в 2010 г. Ранние типы подобных подвесок появляются не позже середины IV века, а поздние бытуют на протяжении первой половины VI века. В более позднее время арочные подвески с конями спорадически встречаются на периферии азелинских древностей.

Ключевые слова: археология, Волго-Вятский регион, раннее средневековье, азелинская культура, арочные подвески с конями, могильник Тюм-Тюм, хронология.

Арочные подвески с конями являются одним из культуроопределяющих признаков азелинских древностей, и их находки за пределами азелинского ареала памятников расцениваются в качестве этнокультурных контактов. Подвески выполнены в наборной технике путем спайки отдельных деталей или отлиты по восковой модели. Основу подвески составляет полукруглая арка, в верхней части которой присутствуют схематические изображения коней, витые колечки, косой крест, в нижней – ряд витых столбиков. Под аркой располагается ряд петель, к которым крепятся шумящие привески.

Свод находок подобных подвесок был проанализирован в работе Л.А. Голубевой «Зооморфные украшения финно-угров», опубликованной в 1979 г. Однако из-за того, что значительная часть арочных подвесок, происходящих из раскопок могильника Тюм-Тюм, в то время не была опубликована, хронология их бытования была разработана Л.А. Голубевой

только в предварительном плане (Голубева, 1979, с. 31).

В настоящее время нам известны изображения 24 подвесок, 10 из которых связаны с могильником Тюм-Тюм (8 происходят из погребений, 2 – из подъемного материала)¹.

Л.А. Голубевой разработана типология подвесок, по которой они были разделены на два варианта:

1) С рамкой из двух или трех жгутов, с 7 или 8 петлями для подвешивания ромбовидных привесок на одинарных звеньях.

2) С рамкой из двух или трех жгутов, или трех рядов полугорошин, соединенных горизонтальными перемычками. Петель девять. Шумящие привески бутылковидные колокольчики или ромбические на двойных звеньях.

При этом второй вариант был признан автором типологии более поздним.

¹ Выражаю благодарность Д.Г. Бугрову за помощь в сборе информации по находкам подвесок.

К нему Л.А. Голубевой были отнесены четыре подвески: из Безводновского клада, 15-го погребения Уржумкинского могильника², 91-го погребения Младшего Ахмыловского могильника и 33-го погребения Абрамовского могильника (Голубева, 1979, с. 31).

При знакомстве с материалом оказалось, что данная типология не работает, поскольку для обоих вариантов в качестве одного из определяющих был выбран общий признак – наличие рамки из двух или трех жгутов. В результате ко второму варианту Л.А. Голубевой была отнесена подвеска из 33-го погребения Абрамовского могильника (рис. 3: 4), которая отличается от подвесок первого варианта только наличием девятой петли. Причем эта дополнительная петля, за вычетом второстепенных деталей, отличает ее от другой аналогичной подвески Абрамовского могильника (рис. 3: 5), которая была обнаружена в 8-м погребении, располагавшемся в соседнем ряду поблизости, что предполагает высокую степень вероятности их одновременного попадания к населению

этого некрополя (Ставицкий, Шитов, 2013, рис. 1).

О том, что число петель относится к признакам третьестепенного порядка и, следовательно, не может служить критерием для отнесения к определенному варианту, свидетельствуют материалы могильника Тюм-Тюм. Здесь, несмотря на хронологическую близость материалов, количество петель у подвесок заметно варьируется. Пять подвесок имеют по 7 петель, две – по 8 (рис. 2; 3: 2–3). Еще три экземпляра имеют по 9 петель, что по типологии Л.А. Голубевой является признаком второго варианта, но при этом они отнесены ею к первому. Кроме того, на двух подвесках могильника Тюм-Тюм привески имеют не ромбическую, а бутылковидную форму (рис. 3: 2; 4: 2), что опять же характерно для второго варианта по ее типологии. Фактически Л.А. Голубева разделила украшения на типы не по комплексу перечисленных признаков, а лишь по числу соединительных звеньев, отнеся к первому варианту подвески с одиночными звеньями, а ко второму – с двойными.

Во избежание подобной путаницы нам пришлось изменить типологию подвесок, в основу которой была положена конструкция арочной рамки. По количеству коней в рамке подвески были разделены на варианты. Дополнительными признаками являются число соединительных звеньев и форма привесок.

Тун 1. Подвески, имеющие рамку из двух или трех жгутов. Соединительные звенья одинарные. Привески имеют ромбическую форму, близкую к квадрату или бутылочную.

Вариант 1 А с фигурой одного коня в рамке (1 экз.). Могильник Тюм-Тюм, погребение 79 (рис. 2: 1).

² В публикации Л.А. Голубевой ошибочно указано погребение № 11, где на самом деле присутствует подвеска другого типа. Неверные данные приведены ею и в подрисовочных подписях к таблице 10: 4, где указана находка из 2-го погребения Уржумкинского могильника, в котором подобные подвески отсутствуют. Вероятно, здесь изображена подвеска из 2-го погребения Уржумского могильника, рисунок которой приведен в статье Н.А. Лещинской. При этом на рисунке в статье изображено на одно звено больше (Лещинская, 1995, рис. 11: 19). В этом случае подвеска на рис. 13 из Свода Л.А. Голубевой, видимо, происходит из коллекции Уржумского музея, а не из одноименного могильника, как указано в подписи.

Рис. 1. Карта распространения арочных подвесок с конями.

1 – Абрамовский могильник, 2 – Младший Ахмыловский, 3 – Уржумкинский могильник, 4 – Мари-Луговской, 5 – Безводновский клад, 6 – Уржумский могильник, 7 – могильник Тюм-Тюм, 8 – Аргыжское городище, 9 – Старо-Узюмский могильник, 10 – Айшинский могильник, 11 – Концовский могильник.

Цветом выделен ареал памятников азелинского периода худяковской культуры по Р.Д. Голдиной (1999).

Fig. 1. Distribution of arched pendants with horses.

1 – Abramova burial ground, 2 – Later Akhmylovo burial ground, 3 – Urzhumkino burial ground, 4 – Mari-Lugovoe burial ground, 5 – Bezvodnoe hoard, 6 – Urzhum burial ground, 7 – Tyum-Tyum burial ground, 8 – Argyzh hillfort, 9 – Sary Uzyum burial ground, 10 – Aysha burial ground, 11 – Konets burial ground.

Colored area identifies sites of Khudyaki culture, Azelino period. After R.D. Goldina (1999).

Вариант 1 Б с двумя фигурами коней (1 экз.). Могильник Тюм-Тюм, погребение 124 (рис. 2: 2).

Вариант 1 В с тремя фигурами коней (14 экз.). Могильник Тюм-Тюм, погребения: 46, 57, 105, 122, подъемный материал – 2 экз.; Уржумский могильник; Айшинский могильник; Абрамовский могильник, погребения 8, 33; Уржумкинский могильник, погребения 11 и 22, Аргыжский клад,

Уржумский музей (?) (рис. 2: 3–5; 3; 4: 3, 4; 5: 1).

Тип 2. Подвески, имеющие рамку из двух или трех жгутов, по периметру которой располагается ряд полугорошин. С тремя конями в рамке (3 экз.). На подвесках из погребений 21 и 117 могильника Тюм-Тюм соединительные звенья одинарные (рис. 4: 1, 2). На подвеске из Мари-Луговского могильника звенья не сохранились (рис. 5: 2).

Рис. 2. Арочные подвески 1-го типа из могильника Тюм-Тюм:

1 – п. 79, 2 – п. 124,
3 – п. 105, 4 – п. 122,
5 – п. 46, 6 – п. 57.

По С.В. Ошибкиной (2010).

Fig. 2. The arched pendants, type 1, from Tyum-Tyum burial ground:

1 – grave 79, 2 – gr. 124,
3 – gr. 105, 4 – gr. 122,
5 – gr. 46, 6 – gr. 57.

After S.V. Oshibkina (2010).

Тип 3. Подвески с рамкой из рядов полугорошин, соединенных горизонтальными перемычками. Соединительные звенья двойные. Привески бутылчатые или в виде вытянутого ромба.

Вариант 3 А с тремя фигурками коней (4 экз.). Уржумкинский могильник, погребение 15 (рис. 5: 3), Безводновский клад (рис. 4: 6), Староузюмский могильник (Бугров, 2015, рис. 1), Концовский могильник (Стефанова, 1982, рис. 7).

Вариант 3 Б с четырьмя фигурками коней (1 экз.). Младший Ахмыловский могильник, погребение 91 (рис. 4: 6). Рис.2-5.

Все положенные в основу типологии признаки имеют хронологическое

значение, что в дальнейшем будет показано на конкретных примерах.

Хронология подвесок первого варианта (1 и 2 тип по нашей типологии) была предположительно определена Л.А. Голубевой преимущественно VI в., возможно, и началом VII в. (Голубева, 1979, с. 31). Подобная датировка опиралась на хронологию А.К. Амброза, которая, судя по значительному «омоложению» им древностей Кошбеевского могильника (Амброз, 1971), содержала ряд существенных просчетов при датировании памятников лесной зоны. Еще более поздним временем (вплоть до VIII в.) Л.А. Голубевой было определено бытование подвесок третьего типа. Основанием для этого послужила соответствующая

датировка 91-го погребения Младшего Ахмыловского могильника, где, в частности, были найдены крестовидная фибула, пирамидальные колокольчики с шипами на углах, наконечники из цилиндрических пронизок и т. д. (Голубева, 1979, с. 31).

Судя по типологии, подвеска из Младшего Ахмыловского могильника является наиболее поздней (тип 3 Б, рис. 4: 5). Стилистически она отличается от всех остальных тем, что изображения коней на ней носят схематичный характер. Единой извилистой линией здесь намечены только головы, туловища и хвосты животных, а в качестве ног использованы пересекающие их туловища соединительные планки, отчего у коней получилось различное число ног. В арку вписано четыре коня, чего нет ни на одной из других известных находок. Видимо, данная подвеска замыкает эволюционный ряд украшений и является одной из самых поздних. Поэтому по ней следует датировать не время существования всего варианта, а только его финал.

В настоящее время погребения Младшего Ахмыловского могильника датируются Т.Б. Никитиной второй половиной VI–VII в., а для отдельных захоронений не исключается VIII в. (Никитина, 2002, с. 178–179). Однако в ранней части этого могильника зафиксировано погребение с крестовидной фибулой окского типа, время бытования которой определено И.Р. Ахмедовым первой третью V в., а время совершения самого погребения не позже середины этого века (Ахмедов, 2012, с. 116). Крестовидная фибула, но только более развитого облика, имеющая более массивную ромбическую ножку, присутствует и в 91-м

погребении этого могильника (Никитина, 1999, с. 105, рис. 23). Среди окских фибул ближайшие аналоги ей имеются в 28-м погребении могильника Курман, которое датируется И.Р. Ахмедовым первой половиной V в. (Ахмедов, 2007, с. 178, рис. 23: 3).

Но в 91-м погребении имеются вещи более позднего времени. К ним относится серповидная пластинчатая гривна с лопастью треугольного сечения (Никитина, 1999, с. 104, рис. 22: 7). В мордовских могильниках подобные гривны получают распространение с начала VI в., когда входят в употребление и сюльгамы с завернутыми в трубочку «усами», незначительно выступающими за пределы кольца (Ставицкий, Шитов, 2013, с. 264), которые найдены и в ряде погребений Младшего Ахмыловского могильника. Однако в 91-м захоронении сюльгамы не имеют выступающих «усов» (Никитина, 1999, с. 104, рис. 22: 1–2). Подобные сюльгамы в мордовских древностях выходят из употребления на рубеже V–VI вв. (Ставицкий, Шитов, 2013, с. 263). Причем их смена происходит достаточно быстро. Из 2374 погребений, проанализированных В.И. Вихляевым, А.А. Беговаткиным, О.В. Зеленцовой, В.Н. Шитовым, сюльгамы без выступающих «усов» и сюльгамы с «усами» встретились вместе только в 13 погребениях (Вихляев и др., 2008).

Впрочем, нельзя исключать, что в Младшем Ахмыловском могильнике смена сюльгам происходит несколько позже. В частности, в погребениях Безводнинского могильника, артефакты которого очень близки ахмыловским материалам, сюльгамы без выступающих «усов», по мнению Ю.А. Краснова, бытуют на протяжении

всего VI в. (Краснов, 1980, с. 88–111). Причем в Безводном они присутствуют в более чем половине погребений с крестовидными фибулами, которые весьма близки к ахмыловским. На наш взгляд, подобное запаздывание вряд ли могло достигать сотни лет и, по всей видимости, разработанная Ю.А. Красновым хронология нуждается в корректировке. Об этом, в частности, свидетельствует и более ранняя хронология крестовидных фибул, основной период бытования которых в рязано-окских могильниках И.Р. Ахмедов определяет V в. (Ахмедов, 2012, с. 108). На наш взгляд, 91-е погребение Младшего Ахмыловского могильника было совершено не позднее первой половины VI в. Вероятно, с указанным временем совпадает и дата староузюмского погребения с подвеской 3-го типа, хронология которого определена Д.Г. Бугровым в пределах VI в. (Бугров, 2015, с. 26).

Из общей хронологии значительно выбивается дата подвески из 23 погребения Концовского могильника, в инвентаре которого зафиксирована серебряная монета Хосрова II (590–628 гг.) (Стефанова, 1982, с. 93). По мнению Н.А. Лещинской, подобное запаздывание могло объясняться высокой значимостью подвесок, что обуславливало их передачу из поколения в поколение. С данным тезисом не согласен Д.Г. Бугров, который отмечает, что подвески поздних форм значительно отличаются от украшений предшествующего периода, т.к. имеют невысокую степень износа, что противоречит их длительному бытованию (Бугров, 2015, с. 14). Последнее утверждение представляется нам вполне справедливым. Тем не менее следует отметить, что две подве-

ски из 24-х получены из кладов. Следовательно, данный тип украшений вполне мог рассматриваться в качестве источника хранения ценностей, отложенных про запас. В этом случае неизношенные украшения могли оказаться в погребении достаточно позднего времени. К типичным примерам подобного запаздывания относятся находки выемчатых эмалей в мордовских могильниках (Ставицкий, 2012). Кроме того, практически все поздние находки подвесок тяготеют к периферии азелинского ареала (рис. 1), где в условиях распада прежней этнокультурной традиции могла иметь место консервация отдельных элементов костюма, производимых местными мастерами по сохранившимся образцам.

При определении нижней даты подвесок 3-го типа Д.Г. Бугровым было сделано предположение об их сложении не позже середины V в. (Бугров, 2015, с. 14). Данный вывод базируется на материалах 15-го погребения Уржумкинского могильника, где кроме арочной подвески найдена эполетообразная застежка с семью соединительными жгутами (Никитина, 1999, с. 133, рис. 51). По хронологии Н.А. Лещинской, подобные застежки характерны для IV в., но их модификации существуют и в более позднее время. Концом IV–V в. она определяет дату бытования здешней колесовидной подвески (Лещинская, 2012, с. 130–135, рис. 19). Датировка материалов уржумкинского погребения серединой V в. достаточно вероятна, но с учетом того, что подвески третьего типа отсутствуют в погребениях IV–V вв. могильника Тюм-Тюм, насыщенного подобного рода изделиями, наиболее реальной датой их появления нам представляется конец V в.

Рис. 3. Арочные подвески 1-го типа:
1 – Уржумский могильник;
2, 3 – могильник Тюм-Тюм (подъемный материал); 4 – Абрамовский могильник п. 33; 5 – Абрамовский могильник п. 8; 6 – Уржумкинский могильник п. 32; 7 – Уржумкинский могильник п. 11. Без масштаба. 1 – по Л.А. Голубевой (1979); 2–3 – по С.В. Ошибкиной (2010); 6–7 – по Т.Б. Никитиной (1999).

Fig. 3. The arched pendants, type 1:
1 – Urzhum burial ground;
2, 3 – Tyum-Tyum burial ground (stray finds);
4 – Abramova burial ground, gr. 33;
5 – Abramova burial ground, gr. 8;
6 – Urzhumkino burial ground, gr. 32;
7 – Urzhumkino burial ground, gr. 11. No scale applied.
1 – after L.A. Golubeva (1979);
2-3 – after S.V. Oshibkina (2010);
6-7 – after T.B. Nikitina (1999).

Рис. 4. Арочные подвески 1-го (3, 4), 2-го (1, 2), 3-го типов (5, 6).
1 – могильник Тюм-Тюм п. 21;
2 – могильник Тюм-Тюм п. 117;
3 – Айшинский могильник;
4 – Уржумский музей (?);
5 – Младший Ахмыловский могильник п. 91; 6 – Безводновский клад.
1–3 – по С.В. Ошибкиной (2010);
4, 6 – по Л.А. Голубевой (1979);
5 – по Т.Б. Никитиной (1999).

Fig. 4. The arched pendants, type 1 (3, 4) and 2 (1, 2), 3 (5, 6). 1 – Tyum-Tyum burial ground, gr. 21; 2 – Tyum-Tyum burial ground, gr. 117; 3 – Aysha burial ground; 4 – Urzhum Museum (?); 5 – Later Akhmylovo burial ground, gr. 91; 6 – Bezvodnoe hoard. 1–3 – after S.V. Oshibkina (2010); 4, 6 – after L.A. Golubeva (1979); 5 – after T.B. Nikitina (1999).

Рис. 5. Арочные подвески: 1 – Аргыжское городище, 2 – Мари-Луговской могильник, 3 – Уржумкинский могильник п. 15.

1 – по Голдиной Р.Д., Лещинской Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А., 2007;
2, 3 – по Никитину В.В., Никитиной Т.Б., 2004.

Fig. 5. The arched pendants: 1 – Argyzh hillfort, 2 – Mari-Lugovoe burial ground, 3 – Urzhumkino burial ground, gr. 15.

1 – after R.D. Goldina, N.A. Leshchinskaya, E.M. Chernykh, V.A. Bernts, 2007;
2, 3 – after V.V. Nikitin, T.B. Nikitina, 2004.

Хронология подвесок 1-го и 2-го типов может быть установлена по материалам могильника Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010), погребения которого Н.А. Лещинская относит к двум хронологическим стадиям. Ранние погребения могильника датируются ею IV в., поздние концом IV–V вв. К первой стадии существования могильника Н.А. Лещинской отнесено 105-е погребение, содержащее подвеску типа 1 Б (рис. 2: 3). Погребение расположено в центральной части могильника, и вряд ли время его совершения сильно отличается от других погребений с подвесками. Вероятно, той же точки зрения придерживается и Н.А. Лещинская, поскольку в разработанной ею хронологии могильников бассейна Вятки бытование подвесок первого типа отнесено к одной стадии, датированной концом IV–V вв. (Лещинская, 2014, с. 173–176).

На наш взгляд, появление подвесок данного типа следует относить к более раннему времени. В частности, два погребения с подвесками типа 1 В (рис. 3: 4–5) на территории Абрамовского могильника находятся на участке, который датируется второй половиной IV в. (Ставицкий, Шитов, 2013, с. 259). Непосредственно в 33-м погребении Абрамовского могильника вместе с арочной подвеской присутствуют трехсоставные обувные пряжки с прямоугольным сужающимся щитком и овальным расширением на конце, фасетированные подвески с округлой площадкой на конце (Гришаков, 2003, с. 303, 305, рис. 3: 2; 5: 9, 10), вятские аналоги которых Н.А. Лещинская относит к хронологическим индикаторам IV в. (Лещинская, 2014, с. 186, табл. 89: 13–15, 21), а А.В. Богачев считает характерными артефактами тезиковского этапа раз-

вития ременной гарнитуры Среднего Поволжья (III–IV вв.) (Богачев, 1992, с. 144). Против датировки V веком ряда погребений с арочными подвесками выступает и автор раскопок могильника Тюм-Тюм. По мнению С.В. Ошибкиной, подобная хронология противоречит их материалам, находящим близкие аналогии в позднесарматской и рязано-окской культурах III–IV вв. (Ошибкина, 2010, с. 60).

Поскольку арочные подвески первого типа на могильнике Тюм-Тюм имеют более архаичный облик, чем абрамовские экземпляры, то их появление здесь следует датировать временем не позже середины IV в. Вероятно, наиболее ранними на могильнике являются подвески вариантов 1 А и 1 Б, имеющие нестандартное число коней в арке. Самая ранняя подвеска с одним конем в арке происходит из 79-го захоронения, которое от обрыва начинается погребальный ряд на могильнике Тюм-Тюм. Н.А. Лещинская отнесла это погребение ко второй стадии развития памятника. Однако кроме двух подвесок (колесовидной и арочной) оно не содержит других датирующих вещей. Видимо, именно по этим находкам погребение было датировано, что не исключает более ранней хронологии данных предметов. Судя по планиграфии расположения других датированных Н.А. Лещинской погребений, это захоронение является на могильнике одним из ранних (Лещинская, 2014, рис. 37). Это подтверждается также отсутствием на подвеске волютообразных фигур или полугорошин под верхней перекладиной, разделяющей арку на две части. На подвесках вариантов 1 А и 2 А, волютообразные фигуры присутствуют только у нижнего основания арки. То

же самое мы видим и на подвеске из 105-го погребения могильника Тюм-Тюм, которое, по мнению Н.А. Лещинской, является наиболее ранним из числа захоронений с арочными подвесками. Аналогичным образом оформлена подвеска из Айшинского могильника (рис. 4: 3).

В период существования Тюм-Тюмского могильника, вероятно, зародились и традиции изготовления подвесок третьего типа. Об этом свидетельствует появление здесь подвесок 2-го типа, оформленных по внешней стороне арки рядом из полугорошин, которые позже становятся характерными для подвесок третьего типа. По данному признаку их следует отнести к переходному типу. Погребения с этими подвесками (21 и 117) на могильнике Тюм-Тюм располагаются на самой границе раннего хронологического участка, и значит должны датироваться не позже, чем подвески 1-го типа. Следует отметить, что в погребениях Уржумкинского могильника подвески типа 1 В бытуют практически одновременно с подвесками типа 3 А, вероятно, на протяжении последней четверти V в., что предполагает параллельное развитие двух разных традиций оформления арочной рамки. Причем Т.Б. Никитина даже считает, что уржумкинское погребение 32 с подвеской типа 1 В является на могильнике одним из наиболее поздних (Никитина, 1999, с. 34–35).

Таким образом, традиции изготовления арочных шумящих подвесок с конями 1-го и 2-го типов сформировались в азелинской среде примерно в середине IV века и бытовали вплоть до конца V в. На основе подвесок второго типа в последней четверти или конце V в. происходит сложение

подвесок третьего типа, которые продолжают использоваться в качестве украшений костюма на протяжении первой половины VI в. На периферии азелинского ареала арочные подвески третьего типа sporadически встречаются и в более позднее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 96–134.
2. Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Культура рязано-окских могильников. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.
3. Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикатор этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. 2012. № 3. С. 107–122.
4. Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992. 208 с.
5. Бугров Д.Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 7–34.
6. Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. М., 2008. 352 с.
7. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
8. Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собрания Удмуртского государственного университета. Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 196 с.
9. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.
10. Гришаков В.В., Винничек А.В. Эполетообразная застежка с верховьев Суры // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПензГПУ, 2003. С. 394–305.
11. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
12. Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Удмуртский университет, 1995. С. 88–128.
13. Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н.э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 124–163.
14. Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.
15. Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИИ, 2004. 152 с.
16. Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.
17. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. 432 с.

18. Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

19. Ставицкий В.В. Изделия с выемчатыми эмальями с древнемордовских и рязанско-окских памятников // Центр и периферия. 2012. № 3. С. 30–38.

20. Ставицкий В.В., Шитов В.Н. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза, 2013. С. 255–278.

21. Стефанова П.Н. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 90–103

Информация об авторе

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

THE CHRONOLOGY OF THE ARCHED RUSTLING PENDANTS WITH HORSES

V.V. Stavitsky

The article defines the typology and the chronology of the arched rustling pendants with horses, which belong to typical antiquities of the Azelino culture. Earlier, they were studied in a number of works (by L.A. Golubeva, N.A. Leshchinskaya, D.G. Bugrov), yet they received a much later dating. Formation and development of the arched pendants are illustrated by the materials found on Tyum-Tyum burial ground and published in 2010. While the earlier types of such pendants appear as late as the middle fourth century, the later types exist along the first half of the sixth century. Later, the arched pendants with horses are sporadically found on the periphery of the Azelino antiquities.

Keywords: archaeology, Volga-Vyatka region, the Early Middle Ages, the Azelino culture, the arched pendants with horses, Tyum-Tyum burial ground, chronology

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 96–134 (in Russian).
2. Akhmedov, I. R. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysyacheletii n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 137–185 (in Russian).
3. Akhmedov, I. R. 2012. In *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)* 3, 107–122 (in Russian).
4. Bogachev, A. V. 1992. *Protseverno-metodicheskie aspekty arkheologicheskogo datirovaniia (na materialakh poiasnykh naborov IV–VIII vv. n. e. Srednego Povolzh'ia) (Procedural-Methodological Issues of Archaeological Dating (by materials of belt sets from the Middle Volga area dated by 4th – 8th cc. AD))*. Samara: “Artefakt” Publ. (in Russian).
5. Bugrov, D. G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 7–34 (in Russian).
6. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Typography (in Russian).
7. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

8. Goldina R. D., Leshchinskaya, N. A., Chernykh, E. M., Bernts, V. A. 2007. *Nasledie narodov Prikam'ia. Drevnosti Prikam'ia iz sobraniia Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta (Kama Peoples' Heritage: Antiquities of the Kama Area in the Collection of the Udmurt State University)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
9. Golubeva, L. A. 1979. *Zoomorfnye ukrasheniia finno-ugrov (Zoomorphic Decorations of Finno-Ugrians)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-59. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Grishakov, V. V., Vinnichek, A. V. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitskii, V. V. (eds.). *Arkheologiiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 394–305 (in Russian).
11. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Leshchinskaya, N. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiiia i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 88–128 (in Russian).
13. Leshchinskaya, N. A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 124–163 (in Russian).
14. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st — 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
15. Nikitin, V. V., Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
16. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD (by Materials from Burial Grounds))*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
17. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
18. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium (Vyatka River Ancients: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Series: Materialy okhrannykh issledovaniia (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
19. Stavitsky, V. V. 2012. In *Tsentr i periferiia (Center and Periphery)* (3). Saransk, 30–38 (in Russian).
20. Stavitsky, V. V., Shitov, V. N. 2013. In *Arkheologiiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 3. Penza: Penza State Pedagogical University, 255–278 (in Russian).
21. Stefanova, P. N. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamyatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsy River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 90–103 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru